

Этот художник словно незримо следовал за человеком с картины, смиренно взирая на его сияние, не смея облечь свою любовь в слова, опасаясь осквернить того, кто на ней запечатлен. Но зоркий глаз сразу заметит, как сильно художник любил свою музу: каждый штрих, каждая линия казались безмолвным рыданием.

Я люблю тебя. Я люблю тебя, и каждый дюйм моей души принадлежит тебе.

Шэнь Цань была глубоко очарована этим полотном. Не в силах сдержаться, она начала искать информацию о картине и обнаружила, что подобных работ немало, но все они надежно спрятаны в частных коллекциях.

А человек с картины был увековечен в исторических хрониках.

— Юй Чэнь... — Шэнь Цань коснулась пальцами этого имени, и ее сердце вдруг пропустило удар.

Я хочу его увидеть.

Эта мысль проросла в ней, словно бамбук после дождя, и остановить ее было уже невозможно. Люди восхваляли его непревзойденность и несравненный талант, но она видела лишь одинокое упорство этого человека. Разве легко было в одиночку спасти гибнущую страну?

Шэнь Цань сочувствовала ему. День за днем, узнавая о нем все больше, она все сильнее погружалась в плен его особого обаяния. В те времена государство Хуа сумело объединить поднебесную, и теперь в жилах каждого из нас в той или иной степени течет кровь людей того государства.

Все жители государства Хуа были тяжело больны, и лишь Юй Чэнь мог их спасти. В их крови, должно быть, сохранились клетки, обрекающие на безнадежную любовь к нему.

Шэнь Цань начала работу над машиной времени. Все считали ее сумасшедшей, но она была как никогда трезва. И вот, семнадцатого сентября, Шэнь Цань наконец создала устройство, максимально близкое к машине времени.

Это был лишь полуфабрикат, но предел того, на что способны ученые современного мира. Не раздумывая, Шэнь Цань села в машину. Тело пронзила острая боль, но в сердце не было ни капли страха.

Когда она открыла глаза и увидела перед собой старинные декорации, ее глаза от волнения увлажнились.

— Юй Чэнь, я наконец-то здесь!

Она переоделась в мужское платье и вступила в армию. Руки, привыкшие держать перо, сжали тяжелое оружие. Нежная и хрупкая барышня превратилась в воина, идущего в бой. Шэнь Цань ни о чем не жалела, ведь все, что она делала, было ради этого человека.

В конце концов, ей удалось стать доверенным лицом Юй Чэня. Шэнь Цань смотрела на него с почти фанатичным обожанием. Она была одержима всем, что касалось этого мужчины, и была готова отдать за него свое сердце.

Видя, как Юй Чэнь с каждым днем бледнеет, Шэнь Цань просила его поберечь себя и не перетруждаться, но он лишь улыбался в ответ, не говоря ни слова.

Армия на пороге, страна в опасности — как можно ставить личное выше великого дела?

Шэнь Цань прочитала это в его глазах и застыла на месте.

— Но ведь ты умрешь! — сдавленно прошептала она.

Юй Чэнь потрепал ее по голове:

— У каждого свой путь, и мой с рождения усеян терниями. А ваше будущее должно быть бескрайним, как звездное небо.

Но как может быть звездное небо без полководца!

Шэнь Цань хотела во что бы то ни стало забрать Юй Чэня с собой, но раз за разом ее останавливали. В конце концов, она была лишь простым солдатом, даже если пришла из века технологий. Поток истории не остановится ради одного человека, и Шэнь Цань охватило отчаяние.

Перед лицом исторической стихии каждый кажется таким ничтожным и беспомощным. В порыве чувств Шэнь Цань бросилась к Юй Чэню и выложила ему все, что знала о грядущих событиях. Она горько плакала, а в ее глазах читалось полное отчаяние.

— Ты умрешь, ты правда умрешь!

Юй Чэнь на мгновение замер, затем присел, вытер слезы девушки и осторожно обнял ее:

— Прости.

Прости, ты так много сделала для меня, но я не могу изменить план, даже ценой собственной жизни.

Юй Чэнь был настоящим полководцем, его душа принадлежала государству Хуа.

Душа этого человека была душой Хуа.

В этот миг Шэнь Цань со всей ясностью осознала эту истину. Преодолев реку времени, она с таким трудом добралась сюда, но ничего не смогла изменить. Ей оставалось лишь беспомощно наблюдать, как уже свершившееся повторяется вновь.

Смотреть, как он блистает, видеть его ночные мучения, видеть его непреклонность, видеть, как его изъедает болезнь, видеть, как он покоряет мир, и видеть, как он шаг за шагом угасает.

Все воспевали величие полководца Юй Чэня, а Шэнь Цань, сжимая его письмо, заливалась слезами.

В письме он подробно расписал ее дальнейшую жизнь: продолжить службу или вернуться к мирной жизни, хочет ли она славы или предпочтет земледелие — Юй Чэнь позаботился обо всем.

Слеза упала на бумагу, и Шэнь Цань поспешно ее стерла.

Не то чтобы не любила, просто время еще не пришло.

Эта фраза лучше всего описывала Шэнь Цань. Раньше она не понимала чувств, пока не

встретила его — и этот взгляд стал для нее вечностью.

Самое жестокое в мире — не то, что я родилась, когда тебя уже не было, или что я родилась, когда ты уже состарился. Самое жестокое — это когда ты родился, а я — нет, и когда я родилась, тебя уже не стало. Она могла лишь по крупичкам собирать слова о нем, влюбляясь все сильнее, но так и не увидев его по-настоящему.

Шэнь Цань повезло больше других — она хотя бы встретила его. Но что с того? Река истории не изменит своего русла из-за такой случайной гостьи, как она.

Слезы текли по лицу Шэнь Цань, пока она собирала вещи. Сейчас ей хотелось верить в эту хрупкую, как стекло, ложь полководца: он не умер, он просто отправился посмотреть на эти горы и реки.

Юй Чэнь... Полководец, я иду к тебе.

Увидев на обочине опустившегося человека, Шэнь Цань сразу узнала в нем бога войны Бай Сюанькэ. Питая нелепую надежду, она нетерпеливо спросила:

— Ты знаешь, где он?!

Бай Сюанькэ не ответил, но Шэнь Цань ответ был уже не нужен. Она очнулась от своего сна.

Она то плакала, то смеялась, словно безумная. Вдруг Шэнь Цань замерла:

— Нет, еще раз. Я могу это предотвратить, я могу его защитить.

— Он не уйдет, он не умрет.

Шэнь Цань поднялась с земли, ее лицо исказилось.

Раз она смогла создать первую машину времени, она обязательно создаст вторую!

Она сможет, она обязательно сможет!

Полководец, подожди меня.

13. Духовный практик с нежной душой 01

Сяо Му лениво потянулся, сонно зевнул. Награда за прошлую миссию его вполне удовлетворила, поэтому он позволил себе немного подольше понежиться в постели.

— У нас снова гости.

Сяо Му тихо вздохнул. В его владениях появился новый гость, а значит, безмятежные дни подошли к концу. По привычке коснувшись глубокой раны на груди, он отбросил остатки лени и натянул улыбку, чтобы встретить визитера.

...

Оказавшись в новом теле, первым делом Сяо Му проверил его на наличие дефектов. Уж не знаю, в невезении ли демона дело, но девять из десяти тел, что ему доставались, были

проблемными: либо врожденные пороки, либо приобретенные недуги.

Раз или два он смирялся. На третий-четвертый раз Сяо Му нахмурился. А после пятого-шестого — начал сомневаться в смысле бытия.

Неужели проблема в нем самом, раз тела его клиентов всегда с изъяном?

Как и ожидалось, тело Ци Ишуя выглядело здоровым, но внутри скрывались проблемы. Врожденный порок сердца. Сяо Му прикинул, что обычными методами вылечить его вряд ли удастся.

Это означало, что в этом мире ему снова придется выполнять задание, преодолевая боль. К тому же, этот мир был отнюдь не простым — здесь люди, демоны и призраки сосуществовали вместе.

— Я хочу увидеть этот мир по-настоящему, — заказчик Ци Ишуй говорил с легкой грустью, серьезно и четко выговаривая каждое слово. В своей жизни он совершил немало ошибок, в конце концов перестав узнавать самого себя. Последние слова цветочного демона перед смертью заставили его замереть, и в памяти всплыл образ того, каким он был когда-то.

Вероятно, именно жгучее раскаяние привело его к Сяо Му, и он, не раздумывая, доверился ему, даже зная, что тот — демон.

Раз уж наниматель предложил столь щедрую награду, Сяо Му, естественно, сделает все возможное, чтобы идеально выполнить задание. Даже если заказчик не произнес этого вслух, Сяо Му чувствовал его внутреннюю жажду.

Ци Ишуй когда-то свернул не на ту дорогу, а те самые демоны и призраки, которых он презирал, пытались вернуть его на верный путь. Когда он умирал, прокручивая в голове всю свою жизнь, раскаяние начало разъедать его изнутри.

Я хочу снова взглянуть на этот мир.

Мир был добр ко мне, а я не ценил этого.

Прости, мне очень, очень жаль.

— Я услышал твой зов, — сказал Сяо Му своему отражению в зеркале.

— Ишуй, пора вставать! — раздался за дверью бодрый голос дедушки Сюань Ци.

— Хорошо, я сейчас! — Сяо Му улыбнулся своему отражению, спрятал эмоции и полностью превратился в того самого маленького Ци Ишуя, который скрывает свою тревогу за маской безразличия.

Дедушка Сюань не был родственником Ци Ишуя. Родители мальчика погибли в результате несчастного случая, оставив двенадцатилетнего сына одного. Родственники семьи Ци не хотели брать на себя обузу, перебрасывая ребенка друг другу, пока Сюань Ци, не в силах смотреть на это, не взял его к себе. Сюань Ци был старым знакомым родителей, он несколько раз видел их сына и тот произвел на него приятное впечатление — в сравнении с его собственным внуком, Ци Ишуй казался маленьким ангелом.

Шел третий месяц с тех пор, как дедушка взял его к себе. Все это время старик видел, что

ребенок постоянно о чем-то переживает, и сердце его сжималось от жалости. Он решил сводить его в парк аттракционов, чтобы развеяться. Ушедшие ушли, а живым нужно двигаться дальше.

— Сегодня мы ходим в парк, а потом купим что-нибудь в торговом центре. О, кстати, там как раз проходит фестиваль еды, там такие вкусности! Дедушка сегодня устроит тебе настоящий праздник! — дедушка Сюань погладил Сяо Му по голове, широко улыбнулся и, взяв его за маленькую ручку, повел на улицу.

— Да, спасибо, дедушка, — Сяо Му опустил голову и, помолчав, тихо ответил, выглядя очень смущенным. Долгое время его отвергали, перебрасывая как мячик, и это превратило жизнерадостного ребенка в замкнутого и молчаливого. Он просто не знал, как реагировать на проявленную доброту.

Дедушка Сюань понимал причину такой замкнутости и жалел его еще больше. Такого милого малыша никто не ценил, так пусть он, старик, подарит ему свою заботу.

Когда они впервые встретились, ребенок еще не познал этих бед. Он вис на ноге матери и улыбался Сюань Ци так ярко, что в его глазах не было ни тени сомнения. Эта улыбка была чистой и невинной, ближе к ангельской, чем что-либо, что Сюань Ци видел в жизни. Любой, кто видел эту улыбку, хотел защитить ее всей душой.

— Малыш Ишуй вышел?

— Малыш Ишуй наконец-то вышел!

— Сегодня наш Ишуй такой же милый!

— Малыш Ишуй, посмотри на меня, я сегодня так красиво расцвел!

Куст розовых цветов у ворот, казалось, стал еще ярче, покачиваясь и пытаясь привлечь внимание Сяо Му. Когда Сяо Му проходил мимо, цветы задрожали еще сильнее. Сяо Му, как обычно, сделал вид, что ничего не слышит, и прошел мимо, не глядя по сторонам.

Маленькие цветочные демоны, которые переехали сюда издалека, наблюдали за тем, как Сяо Му безжалостно проходит мимо, и коллективно вздохнули.

— Мы сегодня все еще недостаточно красивы.

— До встречи, малыш Ишуй! В следующий раз я расцвету еще краше!

Дедушка Сюань был слегка озадачен и пробормотал себе под нос:

— Странно, когда это в саду выросли полевые цветы? Раньше их тут не было.

Сяо Му моргнул. Эти цветочные демоны пришли на его ауру несколько дней назад, конечно, раньше их не было. Тело Ци Ишуя обладало особой конституцией, его духовная энергия легко притягивала необычных существ.

Дедушка Сюань не стал ломать над этим голову, взял Сяо Му за руку, и они сели в машину. Вскоре они были в парке аттракционов. Был выходной, парк был полон людей, шумно и весело. Особенно для Сяо Му — для него парк был вдвойне оживленным.

Маленькие демоны и призраки, невидимые для обычных людей, тоже словно отмечали какой-

то праздник, резвясь в парке. Некоторые озорные призраки дразнили людей, пробегая сквозь них.

Ничего не подозревающие прохожие ежились от холода, кутаясь в одежду даже в самый жаркий день.

— Перестаньте баловаться! — призрак постарше схватил озорника за ухо и потащил прочь, сердито отчитывая:

— Я не хочу, чтобы нас снова преследовали те противные духовные практики!

Сяо Му равнодушно скользнул по ним взглядом и, притворившись, что ничего не видит, отвел глаза. Озорной призрак, выражая свое недовольство, воспользовался моментом, когда другой призрак отвлекся, вырвался и бросился к Сяо Му, едва не слившись с ним.

Сяо Му незаметно отступил, уворачиваясь.

— Брат такой вредный! Не дает мне поиграть как следует! Больше не буду с тобой дружить! — жаловался озорник, строя рожицы Сяо Му.

Этот призрак, должно быть, погиб в автокатастрофе. Когда он корчил рожи, на мгновение проступили следы его смерти: все лицо в крови, в глазах осколки стекла — зрелище жуткое. Озорник прекрасно знал, что обычные люди их не видят, но не мог удержаться от желания подразнить их, словно он все еще был жив.

Сяо Му, полностью вжившийся в роль Ци Ишуя, в упор увидел искаженную гримасу призрака. Его зрачки сузились. Казалось бы, он должен был привыкнуть, но страх все равно пронзил его. Он крепко вцепился в руку дедушки Сюаня, побледнел и задрожал.

— Что случилось? Ишуй, что с тобой?! — дедушка Сюань, заметив, как побледнел мальчик, встревожился, подхватил его на руки и стал тихо успокаивать.

— Дедушка здесь, не бойся, я тебя защищу, — дедушка решил, что ребенок увидел что-то знакомое, что вызвало плохие воспоминания.

Страх в сердце Сяо Му было не выразить словами. Он не мог сказать, что боится существ, которых никто другой не видит, — ему бы просто не поверили.

— Эй, этот ребенок, кажется, видит меня! — озорник, увидев реакцию Сяо Му, замер и принял нормальный вид. Только серо-черный цвет лица и парящие над землей ноги все еще выдавали в нем не человека.

— Что? — призрак постарше тоже подошел и помахал рукой перед лицом Сяо Му.

Сяо Му, обливаясь холодным потом, притворился, что ничего не видит, и тихо прошептал дедушке:

— Дедушка, я в порядке, пойдем играть.

Дедушка Сюань с беспокойством посмотрел на него, но ничего не сказал и согласился.

Обычно призракам становилось скучно, когда человек их не замечал, и они уходили. Но озорник не сдавался. Он был уверен, что мальчик видит его, и неотступно следовал за ним, болтая без умолку:

— Ты же меня видишь, правда!

— Ты явно меня видишь!

— Хватит притворяться! Я знаю, что ты меня видишь!

— Если не будешь отвечать, я от тебя не отстану!

Сяо Му, после того как испугался в первый раз, вел себя как обычный человек. Он не реагировал на назойливого призрака целых несколько часов, до самого обеда.

Призрак постарше уже давно спрятался в тени, подальше от солнца. Хотя солнечный свет не мог причинить им вреда, они его не любили. Озорник же, под палящим солнцем, продолжал настойчиво говорить с Сяо Му:

— Скажешь мне, как тебя зовут? Мы могли бы стать хорошими друзьями!

Сяо Му сидел на скамейке, не проронив ни звука.

Озорник болтал сам с собой, но вдруг его приподнятое настроение упало, и он грустно добавил:

— Ты не хочешь со мной разговаривать, да?

Озорник умер совсем маленьким, в самом подходящем для игр возрасте. Внезапная автокатастрофа отняла у него жизнь, и с тех пор он не мог коснуться ни одного предмета. Даже в парке его тело просто проходило сквозь аттракционы. Он хотел играть с людьми, как раньше, но в ответ получал лишь испуг и попытки прогнать его.

— ...Прости, — озорник поклонился Сяо Му. — Не ходи в дом призраков, там есть кое-кто очень страшный. — Оставив эти слова, он медленно удалился.

Он казался таким одиноким.

Сяо Му смотрел ему вслед, в его глазах мелькнуло что-то странное. Слова вертелись на языке, но так и не были произнесены.

Солнце пекло все сильнее. Дедушка Сюань вернулся с мороженым в рожке, погладил Сяо Му по голове и протянул его ему.

— Ишуй, пора обедать, а после обеда продолжим играть, хорошо?

— Угу, — Сяо Му кивнул, лизнул прохладное мороженое, но взгляд его оставался прикован к тому месту, куда ушел озорник. Перед уходом он машинально посмотрел в сторону дома призраков.

— Р-р-р! — из дома призраков раздался яростный рев. Обычные люди его не слышали, но призраки, обладавшие таким даром, в панике разбежались. Лишь несколько мелких демонов и призраков, слишком напуганных, чтобы бежать, припали к земле, обхватив головы руками.

— Вау! Как страшно!

— Тот парень разозлился!

— Помогите! У меня, у меня ноги не идут!

— Идем, Ишуй. — Дедушка Сюань потянул его за руку. Сяо Му послушно пошел следом, но что-то внутри него заставляло его оглядываться. Он хмурился, глядя на дом призраков.

Этот рев... он не давал покоя. Ци Ишуй был еще слишком мал, чтобы понять всю сложность эмоций в этом звуке, он чувствовал лишь необъяснимую печаль.

Если кто-то скорбит до предела, его чувства заражают окружающих. Сяо Му был тем, кто оказался заражен.

Уходя, Сяо Му внезапно произнес:

— Дедушка, а можно мы сначала сходим в дом призраков, а потом пообедаем?

14. Духовный практик с нежной душой 02

— Он что, дурак?! Я же сказал ему, что в доме призраков сидит огромное чудовище! Зачем он туда идет! — озорной призрак, прятаясь в тени и тайком наблюдавший за Сяо Му, не на шутку разволновался. Он крутился на месте, пока у призрака-подростка, наблюдавшего за ним, не закружилась голова, и тот поспешно не прижал его к земле.

Озорник в сердцах хлопнул себя по лбу, схватил призрака-подростка за руку и потащил за собой, преодолевая страх перед чудовищем в доме призраков, дрожащими ногами осторожно следуя за Сяо Му.

<http://bllate.org/book/22170/2309551>